

Е. Е. Нечвалода

**ИЗОБРАЖЕНИЕ УДМУРТКИ И МАРИЙКИ
В АЛЬБОМЕ АВГУСТИНА МЕЙЕРБЕРГА
(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА)**

В отечественной этнографии несправедливо мало внимания уделяется ранним визуальным графическим источникам. Существующие источники нуждаются в подробном историко-этнографическом анализе. В данной статье рассматриваются изобразительные источники XVII в. по этнографии финно-угорских народов Поволжья, до настоящего времени слабо введенные в научный оборот. Анализируются изображения удмуртки и марийки в альбоме рисунков, сделанных художниками из состава посольства австрийского императора Леопольда I в Москве под руководством А. Мейерберга (1661–1663 гг.). Цель работы – введение этих изображений в научный оборот как полноценного исторического источника. Степень его достоверности определялась через сопоставление особенностей облика изображенных удмуртки и марийки с информацией, содержащейся в текстах XVI–XVII вв., с этнографическими материалами XIX–XX вв. по традиционной одежде народов Поволжья, с синхронными материалами по одежде русских. Анализ показал, что изображения достоверно передают особенности женской одежды удмуртов и марийцев и ее декора, а в их основе лежали рисунки, сделанные с натуры. В связи с тем, что А. Мейерберг не посещал Поволжья, не упоминал о встречах с удмуртами и марийцами в подробных описаниях своего путешествия, и, учитывая то, что он имел в Москве доступ к различным русским источникам, использовал их и вставлял сделанные с них переводы в свой текст, автор статьи предполагает, что эти изображения художники А. Мейерберга скопировали с московского оригинала. Анализ самих изображений, несколько отличающихся от остальных в альбоме А. Мейерберга, поддерживает наше предположение.

Ключевые слова: визуальная антропология, удмуртский костюм, марийский костюм, ранние изображения, графический источник, европейские путешественники, А. Мейерберг.

Ранние изобразительные материалы по культуре народов России – это группа источников, имеющая исключительное значение: благодаря им у нас есть возможность визуализировать информацию, содержащуюся в текстах и проследить эволюцию этнических традиций в течение нескольких веков, чему в этнографическом плане пока уделено несправедливо мало внимания.

Начало изучения народов России в целом и финно-угорских народов в частности традиционно и вполне закономерно увязывается с деятельностью отрядов больших академических экспедиций XVIII в. Широко известны и введены в научный оборот изображения представителей народов России, опубликованные в трудах И. Г. Георги (1729–1802) и П. С. Палласа (1741–1811). В дальнейшем «списки» с этих изображений проиллюстрируют различные издания. Однако рисунки и гравюры XVIII в. не являются самыми ранними изображениями удмуртов и марийцев. Бесценные историко-этнографические материалы (описания и зарисовки) оставили нам европейские путешественники XVII в. Адам Олеарий (1599–1671) и Августин Мейерберг (1622–1688).

Самые ранние и достоверные в этнографическом плане изображения удмуртки и марийки в традиционных костюмах – это на сегодняшний день, очевидно, рисунки в сочинении А. Мейерберга. Августин Мейерберг (Augustin von Meierberg)* в 1661–1663 гг. возглавлял посольство австрийского императора Леопольда I к московскому царю Алексею Михайловичу. В составе делегации было два художника: Иоганн Рудольф Шторн (Johann Rudolph Storn) и Иоганн Пюман (Johann Pümann) [22. С. 60]. Итогом миссии А. Мейерберга стали рукописные сочинения: «Донесение Августина де Мейерна о своем посольстве в Московию»** и «Путешествие в Московию»*** (к которому прилагался альбом путевых зарисовок). Уже в XVII в. его «Путешествие» перевели на французский (1688 г.) и итальянский (1697 г.) языки, а на русском оно увидит свет лишь в 1874-м [17]. Альбом же рисунков был издан в России значительно раньше (в 1827-м) членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, действительным статским советником Федором Аделунгом [19]. В нач. XIX в. технические возможности не позволяли воспроизвести графические оригиналы, хранящиеся в Дрезденской библиотеке. Ф. Аделунг опубликовал тогда прорисовки с них: «рисунки копировались художником в Дрездене, а затем с копий литографом воспроизводились в Петербурге» [2. С. IV]. Не удивительно, что «двойная перерисовка, оказавшаяся необходимою для издания Ф. Аделунга, значительно видоизменила рисунки» [2. С. III–IV]. Точное воспроизведение оригиналов в России увидели лишь в 1903 г., когда в издании А. С. Суворина был опубликован «Альбом Мейерберга» [2. С. IV].

В альбоме, который А. Мейерберг приложил к описанию своего путешествия в Москву, среди множества путевых зарисовок (различных видов природного и культурного ландшафта, прорисовок с монет, гербов, сюжетных сцен и проч.) есть изображения представителей различных сословий, чинов, санов в характерной для них одежде. В подавляющем числе эти типажи русские, но среди них присутствуют и 4 «инородческих» (два женских и два мужских). Женские изображения аннотированы как «Wia(o)taqih(s): Tartar weib» и «Seremisich: Ta(u)

* Звание и достоинство барона и соответственно имя фон Мейерберг он получил только в 1666 г., то есть после своего путешествия в Москву, а до того носил имя де Мейерн.

** «Relatio humillima Augustini de Meyern et Horatii Gulielmi Caivuccii, ablegatorum in Moschoviam a d. 17 Febr. 1661 usque ad d. 22 Febr. 1663».

*** «Iter in Moschoviam etc.».

Рис. 1. Изображения «Татарки с Вятки» и «Черемиски» в альбоме А. Мейерберга [2. Рис. 60]

rtärisch weib»*. «Тартария» для европейцев XVII в. – понятие, которым описывались земли к востоку от Волги до Китая. Нерусское население восточной части Московского государства и сопредельных территорий для иностранцев – это жители Тартарии. Очевидно, что в подобном контексте «Tartar» в аннотациях к типажам в альбоме А. Мейерберга – не этноним. В издании Ф. Аделунга «Wio(a) taqih(s): Tartar weib» переведено как «Татарка с Вятки». Русский перевод аннотации к этому рисунку в издании Ф. Аделунга привел к путанице. Р. Г. Мухамедова опубликовала прорисовку с него как изображение кряшенки «Татарки с Вятки» [13. С. 55]. Но представленный на рисунке костюмный комплекс не соответствует в целом ни одному из вариантов татарского кряшенского костюма. Единственное соответствие с изображенным комплексом – это платок-покрывало с бахромой (у кряшен оно называлось «тугэрэк яулык»), но манера ношения кряшенского покрывала была иной [13. С. 46, 118–125; 20. С. 165]. Не украшали кряшены рукава одежды и подобными шестиугольными розетками.

В XVII в. в вятском крае жили удмурты, русские, марийцы, но изображенный костюмный комплекс этнически специфичен, что позволяет уверенно атрибутировать его. В одежде женщины с Вятки ярко проступают особенности традиционного удмуртского костюма. Украшающий ее голову высокий убор, поверх которого накинуто покрывало с бахромой по краям, соответствует головному убору замужних удмурток – *айшон*, носимому с платком-покрывалом *сюлык*. На рукавах ее верхней одежды изображены шестиугольные розетки в том месте, где на удмуртских женских кафтанах делались вертикальные раз-

* Рукописные надписи над рисунками нечетки. Возможные варианты прочтения отдельных букв даны в скобках. Выражаю глубокую благодарность Т. Г. Миннихметовой за консультации и помощь в их прочтении.

Рис. 2. «Татарка из Вятки» и «Черемиска»
в издании Ф. Аделунга [19. Лист XXXIX (11, 12)]

резы. Шестиугольная форма традиционна для декоративного поля, окружающего нарукавные разрезы. Она возникает вследствие обрамления разреза с двух сторон полосками вышивки, соединяющимися на концах мысовидными завершениями. Шестиугольные розетки *колтырмач* вышивались также на рукавах удмуртских женских рубах, где они были ориентированы горизонтально и сохранялись как традиционный элемент декора, так как сами разрезы уже давно утрачены. Ту же шестиугольную форму имели *вошвы*, обрамляющие вертикальные разрезы на рукавах старинных русских мужских рубах.

Сходство костюма изображенной «Вятской татарки» с традиционным удмуртским было столь очевидно, что для атрибуции не требовалось специальных этнографических знаний и исследований. В издании А. С. Суворина 1903 г. подпись к этому рисунку дает комментарий: «Вятская татарская женщина. Вероятно, вотячка» [2. С. 88]. Этническая атрибуция этого костюмного комплекса

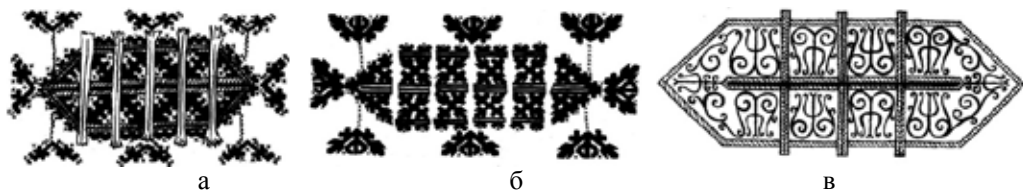

Рис. 3. Нарукавные розетки на удмуртских женских рубахах (а, б)
и на русской мужской рубахе XVII в. (в) [14]. Нарукавный разрез изначально застегивался на петлицы из нашитого шнура (в), с утратой разрезов эти нашивки имитировались вышивкой (а), а просветы в композиции вышитого орнамента (б) обозначали места их бывшего расположения

и фигуры в целом не вызывает сомнений. Перед нами – самое раннее изображение удмуртки. Рисунок сюжетен: женщина занята прядением, в руках у нее веретено, а перед нею – прялка.

Изображение второй из рассматриваемых женских фигур подписано как «Seremisisch:Ta(u)rtärisch weib». Подпись-аннотация в переводе Ф. Аделунга лаконична: «Черемиска». В ранних европейских источниках, под «черемисами» могли быть описаны как марийцы, так и чуваша [1. С. 5–14]. Анализ особенностей костюма «черемисской татарки» позволяет уверенно идентифицировать ее этническую принадлежность. Рассмотрим его подробнее. Голову женщины украшает высокий головной убор; одета она в кафтан с боковыми разрезами от подола. Изображенная на черемиске верхняя одежда имеет на груди и на боковом разрезе горизонтальные нашивки, служившие шнуровыми застежками / завязками. Декоративное поле (очевидно вышивка), обрамляющее боковой разрез на подоле кафтана, имеет М-образный силуэт.

Высокий головной убор вполне определенно сопоставим со старинным каркасным головным убором марийских замужних женщин *шурка*. К нач. XX в. этот убор уже прекратил свое бытование. Но его изображения мы неоднократно встречаем на гравюрах XVIII–XIX вв. Ношение марийскими женщинами высоких головных уборов отмечал еще С. Герберштейн (1486–1566), имевший возможность наблюдать марийцев в пер. пол. XVI в.: «Когда я спросил их, как они в столь высоких (уборах) пробираются между деревьев и кустарников, что им приходится делать часто, они отвечали: “А как проходит олень, у которого (рога) на голове еще выше?”» [4. С. 387].

Описание этого специфического головного убора марийских женщин оставил также А. Олеарий во время своего путешествия по Волге, где у него была возможность наблюдать марийцев и общаться с ними. В главе «О черемисских татарах» он пишет: «Невесты носят спереди на головах своих украшение, почти в роде рога; оно с локоть длиной и направлено кверху; на конце его в пестрой кисточке висит небольшой колокольчик». В альбоме А. Мейерберга на вершине подобного убора черемисской женщины изображен небольшой объект, который вполне может быть соотнесен с подвешенной у верхнего края кистью.

Итак, перед нами графический образ марийки – представительницы еще одного финно-угорского народа Волго-Уральского региона. Уместно сравнить наши знания о традиционной одежде марийцев с изображенным на этом рисунке костюмом.

Как было отмечено выше, в альбоме А. Мейерберга полы кафтана черемиски соединяются на груди с помощью петлиц – нашивок, выполненных, очевидно, из шнура или узкой тесьмы. Петлицы скрепляли не только полы верхней одежды, но и ее боковые разрезы от подола. Для марийских кафтанов кон. XIX – нач. XX в. завязки из тесьмы (шнура) не были характерны, тем не менее эту особенность отделки на марийских женских кафтанах еще можно было встретить и в XX в. Примером может быть женский молельный кафтан уральских марийцев из белого холста с завязками из черного шнура на груди, зафиксированный нами в Красноуфимском р-не Свердловской обл. во время полевых исследований. Примечательно, что на нем по бокам у подола тоже сделаны небольшие разрезы.

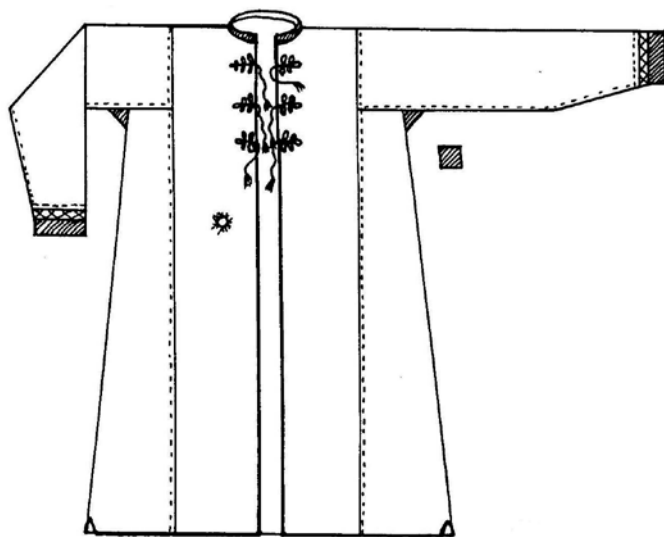

Рис. 4. Женский ритуальный кафтан из белого холста с завязками из черного шнура. С. Юва, Красноуфимский р-н Свердловской обл. ПМА, 2002 г.

Существование у марийцев в прошлом традиции украшать одежду нашивками-завязками из тесьмы или шнура, подтверждают некоторые особенности ее декора, сохранившиеся вплоть до XX в. На многих мужских рубашках орнамент нагрудной вышивки имеет ячеистую структуру: полоса расчленилась на подквадратные ячейки, между которыми могли быть вышиты темные полосы, выступающие за их края (Рис. 5 а). Эти полосы, очевидно, замещают существовавшие некогда застежки из тесьмы или шнура. Контрастный тон и выступание за края усиливает их внешнее сходство с существовавшими некогда нашивками. На других образцах мужских рубашек полосы, разделяющие ячейки, могли остаться невышитыми. В этом случае пространство вышивки членилось поперечными белыми полосками – просветами белого холста (Рис. 5 б), которые оставались изначально, видимо, также для пришивания тесемок-завязок. Нагрудные вышивки с ячеистой структурой часто встречаются как на рубашках уральских марийцев, так и на старинных мужских рубашках луговых марийцев [10. С. 212. Илл. 100].

В декоре марийских женских кафтанов тоже можно наблюдать схожие вышитые «тесемки». Так, в композиции нагрудной вышивки белого холщового кафтана *ош шовыр* из фондов Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН (МАЭ ИЭИ УНЦ РАН, ОФ № 891-4) квадратные ячейки чередуются с горизонтальными полосками с треугольным основанием (Рис. 5 в). Таких полосок, имитирующих нашивки, на этом кафтане три пары, как и нашивок-завязок на приведенном выше красноуфимском кафтане. Показательно, что оба кафтана женские, как и кафтан с нашивками-застежками у А. Мейерберга.

Традиция соединять полы и разрезы одежды с помощью нашитых шнуров (тесьмы) существовала в Поволжье. Нашивки тесьмы «изма» были характерной особенностью нагрудных вышивок на рубашках бесермянских невест (Рис. 5 д).

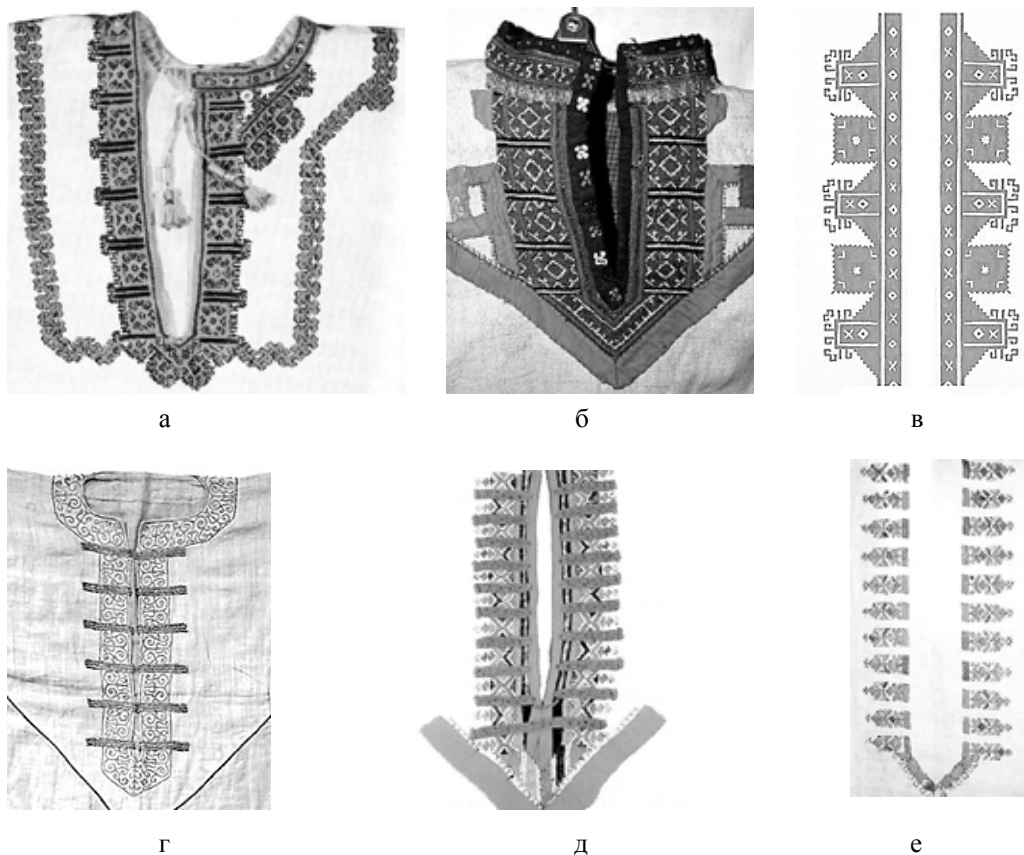

Рис. 5. Нашивки (г, д), их имитации вышивкой (а, в) и просветы в композиции, на месте их бывшего расположения (б, е) в декоре нагрудной части марийских мужских рубах (а, б), русской мужской рубахи XVII в., марийского женского кафтана (в), бесермянских женских рубах (д, е); а [10. С. 212. Илл. 100], б*, в**, г [б. С. 14], д, е [9. Илл. 152, 151]

И хотя эти нашивки уже не выполняли своей прежней утилитарной функции, но традиция сохранила их в качестве декоративного элемента. У вавожских удмуртов ушедшие в прошлое нашивки так же, как и у марийцев, замещали вышитыми полосками, расположенными вдоль нагрудного разреза: «Место нашивок *изма* в вавожских рубахах занимают полосы рельефной вышивки, выполненной разноцветными нитями» [7. С. 190].

Схожий процесс эволюции шнуровых нашивок-застежек в вышитые декоративные элементы наблюдаются в удмуртском традиционном костюме в декоре розеток *колтырмач*, возникших как обрамление существовавших некогда нарукавных разрезов на рубахах северных групп удмуртов [14. С. 268]. Композиция этих нарукавных розеток разделена продольной и поперечными полосками

* ПМА, Красноуфимский р-н Свердловской обл., 2006 г.

** Музей археологии и этнографии института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН (МАЭ ИЭИ УНЦ РАН), ОФ 891-4.

на 4 пары подквадратных ячеек (продольная отмечала линию бывшего разреза, а поперечные – места нашитых шнуровых застежек) (Рис. 3 б). Поперечные разделительные линии на *колтырмач* украшались яркими, контрастными по цвету вышитыми полосками с бахромками на концах, что усиливает их сходство с нашивками тесьмы / шнура (Рис. 3 а).

Итак, есть основания полагать, что у народов Урало-Поволжья в прошлом использовались нашивки тонкой тесьмы (шнура) в качестве завязок / застежек одежды. В кон. XIX – нач. XX вв. эта традиция существовала уже в рудиментарной форме: нашивки сохранялись как исключительно декоративный элемент. В иных случаях их существование в прошлом выдают лишь просветы между вышитыми ячейками, обрамляющими разрез, или вышитые поперечные полоски контрастного тона.

Использование в качестве застежек (завязок) нашивок тесьмы (шнура) сближает традиции финно-угорских народов Волго-Уральского региона с русскими. В русском историческом костюме петлицы на одежде в виде поперечных разрезу (краю) нашивок были весьма распространены. Об этом свидетельствуют многочисленные изображения и в альбоме самого А. Мейерберга и в других источниках. Но если доступные нам для сравнения этнографические материалы финно-угорских народов Волго-Уральского региона, а именно сохранившиеся предметы традиционной одежды, с одной стороны, и изображения в альбоме А. Мейерберга, с другой – разделяют несколько веков, то среди источников по русской одежде есть синхронные им материалы (предметы). В захоронениях-склепах из Архангельского собора Московского кремля, в усыпальнице князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре (Суздаль) [5. С. 231–236. Илл. 4–11] и некоторых других хорошо сохранилась одежда и ее декоративное оформление.

Шнуровые застежки в русском костюме нашивались не только на верхнюю одежду мужчин и женщин (что зафиксировано многочисленными изображениями), но и на мужские рубахи, о чем свидетельствуют хорошо сохранившиеся материалы из захоронений-склепов XVI–XVII вв. [5, 6, 18]. На мужских рубахах такие застежки располагали вдоль нагрудного разреза, вдоль «прорех для шага» и нарукавных разрезов, оформленных «*вошвами*» [5. С. 231–236. Илл. 4–11]. Таким образом, у русских и финно-угорских народов в тот период существовала общая композиция расположения на одежде шнуровых нашивок-застежек: на груди, на рукавах и у подола. Вероятно, существовали общие истоки для формирования этой традиции.

Еще одна особенность одежды черемиски, изображенной в альбоме А. Мейерберга, – это оформление боковых разрезов на кафтане декоративным полем с М-образным силуэтом. Такая деталь в декоре верхней одежды тоже находит аналоги в этнографических материалах, подтверждая достоверность рисунка. Вышивка М-образной формы, расположенная у подола (по бокам), встречалась на старинных марийских и чувашских кафтанах. На женских кафтанах уральских марийцев «*порсын шовыр*» в XX в. разрез был очень мал, а зачастую его уже не делали, место же его бывшего расположения нередко отмечалось и заполнялось нашивкой красной ткани [10. С. 231. Илл. 110].

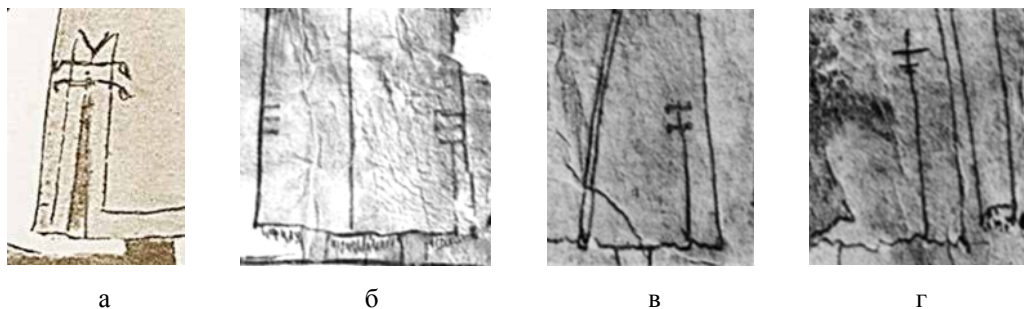

Рис. 6. Петлицы-застежки «прорех для шага» на кафтане черемиски в альбоме А. Мейерберга (а) и на синхронных по времени русских одеждах XVII в. (б, в, г), изображенных на живописном листе «Отпуск стрельцов водяным путем на Разина» (1671 г.) [21]

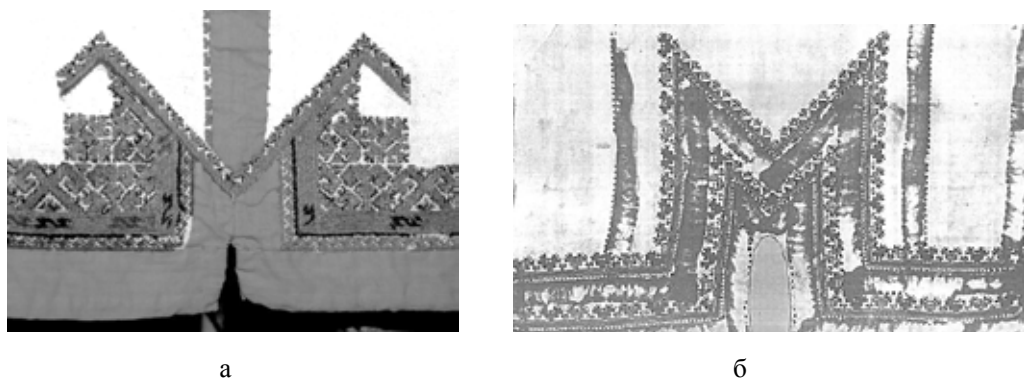

Рис. 7. М-образное обрамление бокового разреза на подоле марийского кафтана (а)* и на чувашском кафтане (б) [11]

В целом сравнительные этнографические материалы убеждают нас в исторической достоверности изображения марийского женского костюма в альбоме А. Мейерберга. Сравнительно-исторический анализ материалов приводит нас к заключению, что изображение особенностей традиционного марийского женского костюма, представленных в альбоме А. Мейерберга и утраченных в XIX–XX вв., – это не фантазия художников, в основе воспроизведенного образа лежит рисунок, сделанный с натуры, отразивший этнографические реалии. Изображение марийки у А. Мейерберга – это уникальный документ огромной историко-этнографической ценности, самое раннее детально-достоверное изображение марийского женского костюма.*

Наиболее полно особенности костюма черемиски А. Мейерберга сохранились к кон. XIX – нач. XX вв. в одежде луговых и уральских марийцев. Традиционная одежда уральских марийцев нач. XX в. по своим характеристикам близка одежде луговых. Вероятно, именно луговая марийка была запечатлена

* ПМА, Красноуфиский р-н Свердловской обл., 2006.

в альбоме. Косвенно это предположение поддерживают параллели в традициях оформления одежды у чувашей, удмуртов и русских.

Как и рассмотренная выше «вятская татарка» (удмуртка), «черемисская татарка» тоже изображена с прялкой и веретеном, т. е. в момент занятия обычным женским делом. Но если прялка и веретено, вполне органично дополняющие эти женские образы, не вызывают удивления, то другие элементы снаряжения «черемисской татарки» плохо увязываются с ее мирным занятием и даже противоречат ему: у нее на боку висит колчан со стрелами, а за спиной – лук. Эта особенность облика черемиски обращала на себя внимание и вызывала удивление. Так, в аннотации к этому рисунку в издании А. С. Суворина 1903 г. сказано: «Черемисская татарская женщина. Лук и колчан со стрелами, которыми вооружена эта амазонка, составляют весьма странную противоположность с мирным ее занятием над стоящей пред нею прялкою» [2. С. 88]. Однако свидетельства XVI–XVII вв. убеждают нас в правдивости такого изображения. С. Герберштейн писал о черемисах: «Женщины, как и мужчины, проворны в беге на лыжах, опытные стрелки и никогда не выпускают из рук лука» [3. С. 136]*, он сообщал, что: «они [находят в нем такое удовольствие, что] даже не дают есть сыновьям, если те предварительно не пронзят стрелой намеченную цель» [4. С. 387]. О том же писал А. Олеарий в главе «О черемисских татарах»: «являются превосходными стрелками из луков и даже детей приучают заблаговременно к этому» [15. С. 314].

Итак, изображения удмуртки и марийки у А. Мейерберга достоверно и вполне точно передают их облик: особенности традиционного костюма и его декора. Безусловно, что в основе этих рисунков лежат зарисовки с натуры. Но А. Мейерберг в ходе своего путешествия не посещал Поволжье и Вятские земли. Очевидно, что и в Москве он не наблюдал представительниц этих финно-угорских народов. Когда европейским путешественникам доводилось встретиться в Москве представителей народов, проживающих на окраинах государства (как, например, А. Олеарию – двух самоедов, привезших московскому царю «в дар нескольких северных оленей и шкур белых медведей» [15. С. 158]), встречи такие фиксировались (А. Олеарий даже сделал с них зарисовку, которую затем и опубликовал). При необходимости, путешественники могли целенаправленно искать представителя нужного племени. Так, А. Мейерберг, желая проверить «сходство языка» венгров и обских угров, искал информаторов: «...я поверил бы это охотно на опыте, если бы мог иметь под рукой кого-нибудь из Югорских жителей, чего добивался так часто» [17. С. 148]. А. Мейерберг в своих записках с дневниковой точностью и подробностью описывает все события, все виденное, но ничего не упоминает о встречах с черемисскими и вятскими «татарами». Очевидно, он не пересекался с ними.

При написании своего труда А. Мейерберг пользовался доступными источниками по истории и географии Московии, включая сочинения своих предшественников, посетивших московские земли до него: Сигизмунда Герберштейна

---

* В издании 2008 г. перевод этого текста звучит так: «Все как мужчины, так и женщины, очень проворны в беге; кроме того, они весьма умелые лучники, лука никогда не выпускают из рук [4. С. 387].»

и Адама Олеария. Однако он не мог позаимствовать у них изображений удмуртки и марийки. С. Герберштейн, столетием раньше посетил Московское государство и во время путешествия видел марийцев и общался с ними (о чем сам и сообщал), но произошло это не в Поволжье, так как автор там не был: «Народ черемисов живет в лесах под Нижним Новгородом [...]. Многих из них государь вывел оттуда в Московию по подозрению в преступной измене; мы видели их там» [4. С. 387]. Но С. Герберштейн не делал путевых зарисовок, а художника при нем не было. Иллюстрации к его труду были сделаны известным немецким художником и картографом Августином Хиршфогелем в стационарных условиях, уже после возвращения С. Герберштейна на родину. При подготовке иллюстраций А. Хиршфогель пользовался зарисовками с привезенных С. Герберштейном из Московии предметов, а создавая образы людей, не стеснялся копировать позы и ракурсы фигур, позаимствованные у других художников. А. Олеарий сам делал путевые зарисовки, с которых впоследствии художником Августом Ионом и группой нанятых художников под непосредственным наблюдением А. Олеария были выполнены гравюры-иллюстрации для его сочинения, готовящегося к публикации. Путешествуя по Волге, А. Олеарий тоже видел марийцев и общался с ними. Раздел «О черемисских татарах» (Книга IV, глава 4) в своем «Описании путешествия в Московию» он иллюстрирует гравюрой, изображающей моление в лесу. Она выполнена не по натурной зарисовке (т. к. на молении он не был), а композиция составлена, очевидно, по устным описаниям. Одежда «черемисских татар» изображена слишком общо и не позволяет провести ее этнографический анализ и атрибуцию. Эту иллюстрацию нельзя считать самым ранним изображением марийцев, так как под «черемисскими татарами» А. Олеарий суммарно описал марийцев и чувашей [1. С. 5–14]. В Вятских землях путешественник не был и в его хроникально-дневниково точных и подробных текстах нет описаний вятских «татар» и встреч с ними. Откуда же взялись столь ранние и точные изображения марийского и удмуртского женского костюмов? Чтобы ответить на вопрос, обратимся вновь к Альбому и рассмотрим внимательно сами изображения.

Сравнивая исполнительскую манеру рисунков в альбоме А. Мейерберга, С. Я. Цимерманис приходит к выводу, что они в большинстве выполнены И. Р. Шторном. Это замечание необходимо уточнить. Чистовые прорисовки в этом альбоме, предназначенном для презентации, вполне вероятно, были сделаны одним художником, инициалы которого «J. R. S.» присутствуют на 6 листах альбома. В то же время в альбоме присутствуют листы заметно отличающиеся стилистически. Так, изображения выхода царицы с царевичем (лист 78) и выхода царицы (лист 79) в его альбоме [2] несут на себе след ощутимого влияния стилистики древнерусского искусства (характерные наклоны-повороты головы, вытянутые силуэты фигур очерчены лаконичными плавными линиями и схожи с изображаемыми в русских источниках).

Наблюдаемые в изображениях различия свидетельствуют о том, что в основе их лежат наброски, сделанные художниками делегации А. Мейерберга с натуры, и прорисовки, выполненные ими с иных графических оригиналов. Вероятно, сцены выхода царицы были скопированы в Москве с каких-то русских источников.

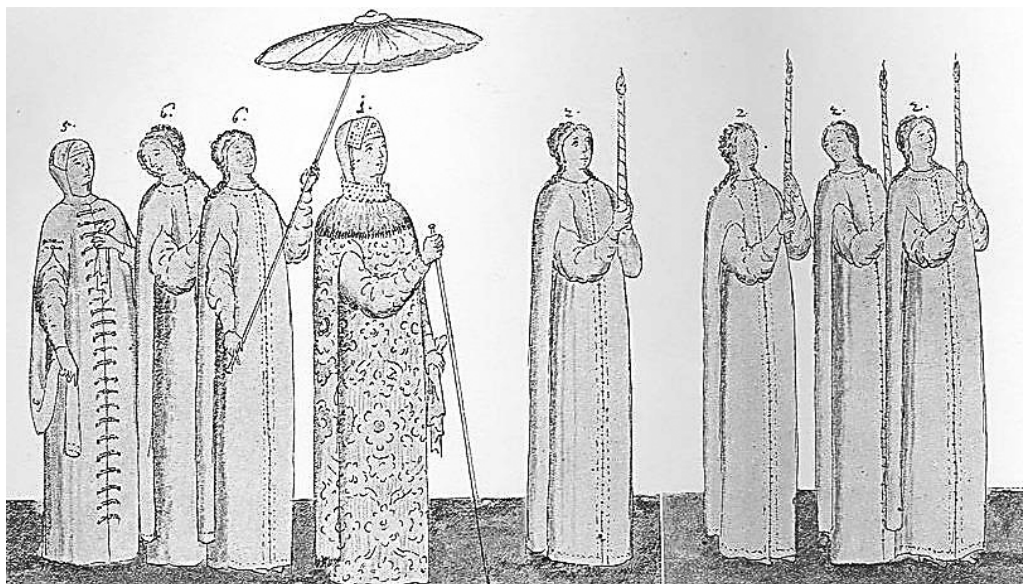

Рис. 8. Изображение выхода царицы из альбома А. Мейерберга (фрагмент)
[2. Рис. 79]

Это представляется вполне вероятным, так как европейские путешественники (С. Герберштейн, А. Олеарий и А. Мейерберг) имели возможность пользоваться русскими документами (летописями, дорожниками, картами). Почерпнутыми в них сведениями по истории и географии Московского государства они дополняли описание своих путешествий. С. Герберштейн включил в свое сочинение текст русского дорожника; А. Мейерберг перевел на латынь текст Соборного уложения 1649 года. Присутствие в делегации А. Мейерберга художников давало возможность копировать не только тексты, но и изображения. Вероятно, этим объясняется появление в его альбоме чуждых по стилю образов, в особенностях иконографии которых узнаваемы характерные для древнерусского искусства черты.

Изображения черемисской и вятской «татарок» у А. Мейерберга также несколько отличаются от остальных типажей (разных чинов горожан, священнических санов). «Татарки» имеют иные пропорции – голова чуть крупнее, ввиду чего они несколько коренастее. В отличие от большинства иных фигур, у которых ступни едва намечены (иногда непропорционально малы), у «татарок» они изображены вполне крупными и в позиции, не характерной для большинства других типажей (одна за другой). Отличает их также внятное обозначение обуви и онучей / чулок (у черемиски они однотонные темные, а у вотячки – сетчатого рисунка). Учитывая, что у А. Мейерберга и его художников не было возможности наблюдать прототипы этих графических образов, логично предположить, что их изображения тоже были скопированы в Москве с оригиналов в русских документах. Возможно ли такое? Это представляется весьма вероятным. В иллюстрациях к русским летописям фигуры нередко изображались столь же коренастыми и в схожих ракурсах: торс – почти фронтально, а ступни – одна за другой. Как уже отмечено выше, зарисовки марийского и удмуртского женского костюмов были

сделаны с натуры. Вероятнее всего, у автора этих рисунков была возможность наблюдать марийцев и удмуртов во время посещения им восточных территорий: Поволжья и Вятского края. Возможно, он участвовал в той или иной купеческой или государственной экспедиции.

В XVI–XVII в. постепенно исследуются и территория Московского государства, и сопредельные земли; организуются походы и экспедиции (экспедиция за рудой на Печору, походы в Сибирь С. Ф. Курбского, Ермака и другие), составляются карты, дорожники (Книга большому чертежу, Югорский и Пермский дорожники). Интерес к познанию земель имел свое военно-политическое и экономическое значение. Внимание к народам и племенам, населяющим внутренние и сопредельные территории, лежало в русле этих тенденций и вполне вписывалось в задачи познания своего государства в различных его аспектах (исторических, географических, экономических, этнографических и прочих). Возможно, именно среди таких московских материалов, посвященных описанию различных земель и населяющих их народов, и были встречены А. Мейербергом оригиналы рисунков, изображавших представительниц удмуртов и марийцев в своих костюмах. В XVI–XVII вв. русские художники были не только иконописцами. Появляются произведения светских жанров: порсуны, «живописные листы», писанные соковыми (акварельными) красками (например «Отпуск стрельцов водяным путем на Разина» (1671 г.) [21], рисунки «Книги об избрании на престол царя и великого князя Михаила Федоровича» и иные). Кем бы ни был этот мастер, важно отметить, что зарисовки марийского и удмуртского женского костюма он делал с натуры.

При том, что ни С. Герберштейн, ни А. Мейерберг не были в Вятских землях, описания этих территорий у разных авторов очень схожи. С. Герберштейн писал: «Страна болотиста и бесплодна, [служба] своеобразным убежищем для беглых рабов, изобилует медом, зверями, рыбами и белками» [4. С. 381], к тому же «между Галичем и Вяткой, там повсюду бродит и разбойничает народ черемисов» [4. С. 379]. А Мейерберг вторил: «Вятка (Viatka) некогда обширная Татарская область [...] По причине болот и лесов она неприятна и представляет много затруднений, однако же очень богата медом, дикими зверями и рыбой, которою и кормится, не заботясь о хлебе» [17. С. 149]. Близкий по содержанию текст встречаем и в «Повести о стране Вятской»: «наипаче облежими Вятчане со всех странь лесами многими и блаты [...] Во времена же она набежание частое на Вятку Черемись и Отяковъ со стрелами и со оружиемъ бываше» [16. С. 42, 43]. Можно было бы допустить, что А. Мейерберг использовал в своих работах ранее опубликованные материалы С. Герберштейна, но сходство описания Вятского края в сочинении не посещавшего его С. Герберштейна и русской летописи, вероятно, можно объяснить только существованием документа-первоисточника этих текстов в Московии XVI века [12. С. 91].

Соответствие изображения черемисской «амазонки» у А. Мейерберга ее описанию у С. Герберштейна дает основание предположить, что эти материалы также взаимно дополняют друг друга как иллюстрация и комментарий к ней и, возможно, изначально принадлежали одному источнику, из которого впоследствии и были заимствованы европейскими авторами.

Если принять наше предположение о том, что А. Мейерберг и С. Герберштейн цитировали тексты и изображения одного московского источника, то образы удмуртки и марийки в альбоме А. Мейерберга были сделаны с оригиналов, созданных не позднее нач. XVI в. и, соответственно, они отражают особенности женского костюма удмуртов и марийцев того периода (то есть 500-летней давности). Вероятно, мы уже никогда не сможем установить, кем и когда были выполнены натурные зарисовки, ставшие первоисточниками для изображений марийки и удмуртки в альбоме А. Мейерберга.

В истории имени С. Герберштейна и А. Мейерберга оказались тесно связаны – как дипломатов, посетивших Московское государство в XVI–XVII вв. и оставивших описания своих путешествий, наполненные ценными сведениями о ее истории, географии, традициях. Они даже похоронены были рядом (в церкви Св. Михаила в Вене). К сожалению для исследователей, объединяет их также то, что важнейшие сочинения по истории России на русский язык были переведены сравнительно поздно. Отмечая это обстоятельство, О. Бодянский в предисловии к изданию А. Мейерберга писал еще в 1873 г.: «Странная, ничем необъяснимая судьба у нас сих двух корифеев иностранных путешественников в Россию...» [17. С. I].

С того момента прошло полтора столетия, но и сегодня они несправедливо обделены вниманием отечественных этнографов, их материалы пока недостаточно вовлечены в этнографические исследования. В данной статье мы попытались отчасти восполнить этот пробел и повторно ввести в научный оборот указанные материалы, подвергнув их историко-этнографическому анализу. Изображения в альбоме Августина Мейерберга – это уникальный по своей значимости документ, в котором представлены самые ранние изображения удмуртов и марийцев, изображения точные, натурные, позволяющие проследить эволюцию удмуртского и марийского костюма в течение нескольких столетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Айплатов Г. Н., Ялтаев И. Ф. Марийцы в «Описании путешествия» Адама Олеария: историко-этнографические аспекты // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 5–14.

2. Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века / Объяснительные примеч. к рис. сост. Ф. Аделунгом, вновь просмотр. и доп. А. М. Ловягиным. СПб., 1903. 189 с.

3. Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1908. 382 с.

4. *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. I: Латинский и немецкий тексты, русские переводы А. И. Малеева и А. В. Назаренко, А. В. Назаренко. СПб.: Издание А. С. Суворина. 776 с., илл.

5. *Елкина И. И.* Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских. Спасо-Евфимиев монастырь // Беляева Л. А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Ефимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения / Под ред. акад. Н. А. Макарова. 2008.

6. *Ефимова Л. В., Алешина Т. С., Самонин С. Ю.* Костюм в России XV – начало XX века. Из собрания Государственного Исторического музея. М.: Арт-Родник, 2000. 232 с.

7. *Косарева И. А.* Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX – начале XX в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 228 с.

8. *Кошлякова Т. Н.* Русские рубахи конца XVI – начала XVII в. из погребений царя Федора Ивановича, царевича Ивана Ивановича и князя М. В. Скопина-Шуйского в Архангельском соборе московского кремля // *Древняя одежда народов Восточной Европы*. М., 1986. С. 248–253.

9. *Лебедева С. Х.* Удмуртская народная вышивка. Ижевск: Удмуртия, 2009. 88 с.

10. *Меджитова Э. Д.* Марийское народное искусство. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1985. 269 с.

11. *Меджитова Э. Д., Трофимов А. А.* Чувашское народное искусство. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1981. 251 с.

12. *Мусихин А. Л.* Вятка и водка // *Герценка: Вятские записки*. Вып. 9. Киров, 2005. С. 81–102.

13. *Мухамедова Р. Г.* Народный костюм татар-кряшен. Казань: Слово, 2005. 159 с.

14. *Никонорова Е. Е.* Нарукавные розетки в вышивке народов Волго-Уральского региона // *Этносы и культуры на стыке Азии и Европы*. Уфа: Гилем, 2000. С. 260–274.

15. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.

16. Повесть о стране Вятской // *Труды Вятской ученой архивной комиссии*. Вып. III. Отд. II. Вятка, 1905. С. 1–97.

17. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу, в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. М.: Университетская типография, 1874. 260 с.

18. *Рабинович М. Г.* Одежда русских XIII–XVII веков // *Русская народная одежда*. Историко-этнографические очерки. М.: Индрик, 2011. С. 19–62.

19. Рисунки к путешествию по России римско-императорского посланника барона Мейерберга в 1661 и 1662 годах, представляющие виды, народные обычаи, одеяния, портреты и т. п. СПб., 1827. 136 с.

20. *Сулова С. В., Мухамедова Р. Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2000. 312 с.

21. *Фомичева З. И.* Редкое произведение русского искусства XVII в. // *Древнерусское искусство XVII в.* М.: Наука, 1964. С. 316–326.

22. *Цимерманис С. Я.* Альбом путешествия А. Мейерберга как источник для изучения истории латышской культуры // *Тезисы докладов и сообщений конференции по источниковедческим проблемам истории народов Прибалтики*. Рига: Изд-во «Зинатне», 1968. С. 59–63.

Поступила в редакцию 05.04.2016

Е. Е. Nechvaloda

**Pictures of Udmurt and Mari Women in the Meierberg Album
(Historical and Ethnographic Analysis of a Graphic Source)**

The paper analyzes graphic images on Finno-Ugric ethnography of the Volga region dating back to the 17th century. Consideration is given to the pictures of Udmurt and Mari women in the album of drawings which were made under Augustin Baron von Meierberg's supervision by the painters of the embassy of Austrian Emperor Leopold I (1661–1663). The research aims to introduce these pictures into scientific use as a valuable historical source. Comparisons between the specific features depicted in the appearance of an Udmurt woman and a Mari one and the information contained in the texts of the 16th and 17th centuries, ethnographic materials on traditional clothing of the peoples living in the Volga region in the 19th and 20th centuries, and data on Russian female dress demonstrate the reliability of the analyzed drawings. The analysis shows that the pictures in question give an adequate representation of peculiar features in the Udmurt and Mari female costumes and their decoration, as they were based on the drawings made from nature. As Meierberg made no trips to the Volga region, but had access to Russian sources of information while living in Moscow, the author suggests that the painters supervised by Meierberg might have copied these pictures from Moscow originals. Analysis of the pictures that differ from the others in the album support this suggestion.

Keywords: visual anthropology, Udmurt national costume, Mari national costume, early pictures, graphic source, European travellers, Augustin Meierberg.

Нечвалода Елена Евгеньевна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева
Уфимский научный центр РАН
450077, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6
E-mail: pishi-nikonor@yandex.ru

Nechvaloda Elena Evgenievna,

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher,
Kuzeev Institute of Ethnological Studies
Ufa Research Center of the Russian Academy of Sciences
450077, Russia, Ufa, K. Marks St., 6
E-mail: pishi-nikonor@yandex.ru